

ПИЩА. «Первой пищей» своей Р. называет овсянку, которую «в *детстве* едал с квасом» (АНВ, 308). «Голову сахара» в семье «покупали (“в будущее”)» только тогда, когда получали пенсию (У, 146). В семье «очень нуждались в хлебе, так как овощи были из своего сада» (ОСЖС, 685). В случае крайней нужды Р. на одну копейку покупал «“хлеба” ½ фунта», «сухари покупали только жильцы, мы сами — никогда» (У, 146; 376). По воспоминаниям Р., «доходило иногда до того, что мы питались одним печеным луком (свой огород) с хлебом» (У, 146); «днями ели печеный лук (до чего сладок)» (МЛ, 512). После грибов («грибы-боровики») «самым большим удовольствием», «единственно отрадным в моей памяти» была ловля раков, — писал Р. «Ночью зажигали костер и пекли раков поменьше» («*Кострома* и костромичи» // НВ. 1909. 2 июля; СМР, 217). Из напитков в детстве Р. упоминает квас: «Жажда томит. Квас манит» (У, 304). Пока *корова* не перестала давать молоко, в семье «все пили молочко и были счастливы <...> Давала 4–5 горшков <...> Киселек. Сметанка. Творог. Сливочное масло. “Как все хорошо”. Масло “в барашке” к *Рождеству*. Молоко я носил к соседям продавать. Как и малину, крыжовник и огурцы из парников» (ВНС, 366–367). Самые лучшие детские воспоминания у Р. связаны с пасхальной П.: «На чистой скатерти, под салфетками, благоухают кулич, *пасха* и красные яички. Поднесешь *нос* к куличу <...> — райский запах» (ОЦС, 235). Русская П. в *творчестве* Р.

стала самодостаточным культурным явлением, важным историческим, художественным *символом*. Западной идейности Р. противопоставил «эпический» быт русской культуры. Антитезой политической деятельности звучит розановское признание: «Папироска после купанья, малина с молоком, малосольный огурец в конце июня, да чтоб сбоку прилипла ниточка укропа (не надо снимать) — вот мое “17-е октября”» (У, 166). Либеральной политике Р. противопоставлял великопостную П., которую приравнивал к русской истории в ее идеальном, эстетическом образе. При этом Р. художественно воссоздает все прелести русской П.: «Но лучше всего в чистый понедельник забирать соленья у Зайцева (угол Садовой и Невск.). Рыжики, грузди какие-то вроде яблочков, брусника — разложена на тарелках (для пробы). И испанские громадные луковицы. И образцы капусты. И нити белых грибов на косяке двери» (У, 97–98). Грибные и рыбные лавки во время Великого Поста, по Р., «первые в торговле, первые в смысле и даже в истории» (У, 97–98). Из рыбы для Р. «хрящевые рыбы» «вкуснее, чем костистые»: «Осетр. Стерлядь. Притом — это самая древняя на земле порода рыб. Так что по “в начале бе слово” Бог создал только одних хрящевых, костистых же вовсе не создавал» (АНВ, 146). В годы жизни в Симбирске Р. упоминает «чай с малиновым вареньем» (ОНД, 181). В студенческие годы «в восемь часов» в его комнату подавался самовар: «Я аккуратно заваривал ложечку, верхом, чаю, и пил его, т.е. выпивал весь самовар; к 3-м часам утра самовар был уже ледяной; в стакане была чуть-чуть подцвеченная вода: “Кронштадт виден”. Но пахло чайником, “Русью”, и прилежный изучатель римских древностей пропускал в себя стакан за стаканом с последними сухими крошками белого хлеба» («О звуках без отношения к смыслу» // НП. 1903. № 7. С. 165). Р. признавался: «люблю чай» (У, 166): «Я люблю ставить самовары: удовольствие для меня сходное с ездой на велосипедах. Сперва трудно и неприятно (пока руками катят велосипед, — до вскакивания), зато потом продолжительное удовольствие. Самовар должен не “кипеть”, а вскипеть, т.е. фыркать паром... И тогда длинная беседа, милые разговоры... воспоминания, признания — все льется “около самовара”, так легко и красиво, как это не может выйти за обедом, где все утоляют голод, т.е. озабочены и работают *ртом*, сознаюсь, довольно некрасиво» (ЗРП, 235). Чай для Р. — воплощение обломовской сути русской культуры и бытия: «И пью чай с ватрушкой. А *дети* собрали чашечку земляники» (М, 194). В отличие от ресторанного чая с «серебряными сервизами», попить «чайку из глиняной посуды с сочником», по мнению Р., значит приобщиться древней православной традиции (М, 118). П. воспринималась Р. как феномен, в котором проступают драгоценные черты национального своеобразия русской культуры, слагающие любимый Р. образ русской жизни. В феномене П., по Р., раскрывается суть культуры: «А и сластены же эти христиане. Греки и римляне пили чай с сахаром. А христиане — с вареньем <...> заготавливают мужьям на зиму варенья. И вишневого, и малинового, и смородинного. А есть, что из розовых лепестков. И оттого, что у христиан — с вареньем — христианская цивилизация и вышла такая душистая, такая спиритуалистическая. И Данте, и Шиллер, и Гёте. Готи-

ка и легенда о Грале» (М, 311). Свое желание поставить немцам самовар Р. оценивает как готовность «“споспешествовать” русской культуре». Путешествуя в Германии, именно через феномен еды Р. раскрывает по сути национальное своеобразие русского быта, национальные особенности разных культур, связанные в том числе и с их экономическими условиями: Р. «понял, отчего не “распространяется самовар” на Западе, где уже давно его знают и, конечно, не прочь бы перенять, как все хорошее и удобное. — “Нет углей”!» Немецкий чай для Р. «омерзителен»: «Это что-то теплое и недоваренное. Именно не “вскипел самовар”... Прелесть чая не столько вкусовая, сколько художественная. Бедные русские покупают здесь кастрюльки, жалким образом кипятят в них воду и пьют “кое-что”, а не чай. И сахар у них отвратительный. Вообразите, желтоватого цвета, и рассыпчатый, как склеенный песок. Нашего белого, крепкого, кристального — и в помине нет» (ЗРП, 235). Р. признавал также «скверными» парагвайский чай, бразильский кофе, считая, что «ароматичный кофе и ароматичный чай — в Азии» (ВДЯ, 129). Больше всего Р. нравится «чай с анисовым яблоком», который «только на Руси»: «Немцы до этого не докудахтались, несмотря на все “произведения Гёте”. (за чаем с яблоком)» (М, 323). Утром, читая газеты, Р. пил кофе (У, 353) и тогда его часто посещали мысли; так, одна из ключевых мыслей об уединении как цельности, чистоте и силе духа пришла ему за утренней чашкой кофе (У, 163). Р. признается, что любит «котлеты с картофельным пюре» (М, 595): «Что касается до “вкусно”, то кровожаднее котлет с картофельным пюре я ничем не питался» (М, 38). Свои русские рецепты приготовления картофеля и мяса Р. описывает в противопоставлении немецкой П.: «Не понимаю, отчего немцы не едят нормальных кушаньев нормальным образом. Напр., картофель: ясно, что “молодой картофель” надо есть со свежим сливочным маслом... разрезая горячую, очень горячую картошку и покрывая каждый кружок ломтиком твердого холодного масла. Так вкусно, что ничего лучше не придумаешь. Но немцы подают... тоже молодой и рассыпчатый картофель, чуть тепловатый и вымазанный в чем-то коричневом <...> Мясо: что яснее рубленых котлет с сладким зеленым горошком или с картофельным пюре. Не догадываются... Котлет совсем нет. Не имеют понятия “рубить мясо”. И подают все какие-то кусочки, непременно замасленные. У них все намазано. “Суп” ихний — это тарелочка, в которой чего-то намазано на доньшке или разлито 5–6 ложечек. Цыплят нет жареных, а какие-то моченые» (ЗРП, 236–237). Не устраивает Р. в немецкой П. и приготовление яиц: «Что может быть прелестнее яйца “в мешочке”, яйца всмятку, особенно, если выпустить 2–3 яйца на кусочки разломанного черного хлеба, и все это посолишь и перемешаешь... получится объединение. Наконец, — яичница, с кусочками ветчины и ломтиками прожаренного в масле хлеба. Сам Бог так устроил. Но немцы все переиначили: они на большом блюде подают не то яичницу, не то просто выпущенные яйца, с чем-то зеленым и мокрым...» (ЗРП, 236). Русскую П. философ признает «целой культурой»: «Вообще брюшко у русских хорошо обдумано <...> Плохи книги. Университеты» (М, 323). «Культура живота» началась, по Р., с Владимира Красное Солнышко, для которого, как из-

вестно, она была не последним фактором в выборе русскими вероисповедания: «Русь есть веселие пити [ясти] не можем без того быти» (М, 323). «Реформу» П., «обогащение кухней» Р. видит во «французском влиянии», немецком («Тоже вкусно»), восточном («Армения — плов с курицей. Отлично») (М, 323). В целом Р. «приятна» творческая «всеотзывчивость» русской П., в частности соленые огурцы с острогоном, придающим им твердость, котлеты с черносливом (У, 341). Но своя традиция Р. все же ближе всего: «Но я предпочитаю русские щи. Гуся с кашей. И вот чай с анисовым яблоком» (М, 323). Р. считал, что «каждый обед <...> заработан тяжелым трудом чьим-то» (М, 101). В феномене П., по Р., проявляется наблюдаемый им резкий контраст между идеями социал-демократов и их жизнью: Р. «диву дался» тому, «как “в дому соц.-дем.” — “парламентария”, Либкнехта или Бебеля, “был сервирован завтрак”. Ели не как Розанов с семьей — творог (не более раз 6-ти в зиму 1917—1918 гг.) и без сметаны: “кушали, можно сказать, рябчиков с золотых блюд”. Даже — фазанов с серебряных тарелок» (ВНС, 351). В послереволюционное время и до самой смерти Р. постоянно ощущал голод: «2—3 горсти муки, 2—3 горсти крупы, пять круто испеченных яиц может часто спасти день мой» (АНВ, 44). То что «пришлось сегодня есть луковницу», Р. воспринимает как чудо (АНВ, 178). «Около холодного самовара» остался «последний кусочек сахара» (МЛ, 523). Под заголовком «Ежедневность» Р. записывает: «Булочки, булочки... Хлеба пшеничного... Мясца бы немного...» (АНВ, 21). О голоде он пишет и в письме Э. Голлербаху: «Семья наша голодна. 12-й день — ни хлеба, ни муки. Хоть бы каши немного» (ВНС, 352). Р. благодарит Л. Хохлову за «кусочек чудесного белого хлеба с маслом» (ТР, 96—97). Голод обостряет у Р. вкусовые воспоминания прошлого: «Творожка хочется, пирожка хочется. А ведь когда мы жили — так безумно вкусно, как в этот голодный, страшный год? Вот мера вещей. Господи, неужели мы никогда не разоведемся больше душистой русской Пасхой» (МЛ, 527); «Сегодня — сыт: а, знаете, милого творожку я съел, и — чуть-чуть, — не более раз 4-х за зиму. Хотя покупал, но — детям и жене. Они так жадно накидывались и поспешно съедали, что жаль было спросить: “дайте и мне”. А — ужасно хотелось. Теперь только о еде и думаю. Припоминаю, как ночью, кончая занятия “в счастливые дни Нов. Вр.”, откидывал салфетку, и отрезывал — у-зень-кую середочку пирога с капустою, и, не удержась, через ½, 1 час — еще и еще. Ах, как вкусно было. То же если с говядиной пирог холодный ночью — я достану “из форточки” молока, и налив ½, ¾ стакана, отрежу же пирожка и — скушаю. Господи, как сладко даже вспомнить. Увы, теперь “сладки” только воспоминания и пуста еда» (ВНС, 369—370). В это время для Р. «ничего нет счастливее, ничего нет блаженнее, ничего нет истинно прекраснее, чем ходить» на «деревенский базар у Троицы Сергия»: «Присматриваться к яйцам, велики или малы, весенние (апрель) или осенние. К творогу. Сметане. О масле не помышляю (12 р. фунт) <...> еще лучше в свете: есть белоснежный творог с обезжиренным молоком (чуть-чуть присыпав сахарных крошек)». Р. описывает свои базарные покупки: «Творог. Никогда почти, но изредка — сметана. Всегда же молоко к чаю. Яички (7 рублей десяток)» (АНВ, 242). «Впечатления еды»,

в этот период ставшие для Р. главными, приобретают мифологические черты: «Солдат, вывернув из тряпки огромный батон (витой хлеб пшеничный), разломил его широким разломом и начал есть, даже не поняв. Между тем пахучесть хлеба, как еще пахучесть мяса во щах, есть что-то безмерно неизмеримее самого питания. О, я понимаю, что в жертвеннике Соломонова храма были сделаны ноздри и сказано, — о Боге сказано, — что он “вдыхает туки своих жертв”» (АНВ, 21). В голодные дни в *Сергиевом Посаде* женщина «из родной и милой Костромы», «с моей родины, с моего угрюмого детства» прислала Р. шесть фунтов «вкуснейшего овсяного хлеба», «чистейшего толокна, сухого, здорового: по 3 чайных ложки на стакан горячего молока <...> Питательно. Полезно в нервах. А я вечно в нервах <...> И вот я питаюсь, как Илия Фесвитянин, от “вранов”» (ВНС, 365; АНВ, 308). Складывается и миф о молоке, столь любимом Р.: «Я тоже завидую Полифему: сколько он имел творогу у себя в пещере, помните — “заставлял вход скалой”. Я хотел бы быть Полифемом и пасти коз и овец, а молоко бы у них высасывал собственным ртом» (ВНС, 370). В ноябре 1918 Р. писал С.П. Каблукову: «Принцип “еды” как “встречи” и принцип “периодических ед” и “питий” (чай, кофе, лучше еще — какао) (и последнее превосходное — шоколад)... — (“Пирог” — “по воскресеньям всегда”) — это безумие культуры и “культурности” <...> Отсюда — “праздники”, “празднование”. Воскресенье (всегда предпочитал “канун”, “субботу”, мое вечное “вчера”), Пасха “и Сочельник”, “Рождество и пред Рождеством”, “сырная неделя” — масленица. Обьедание быта» (Слово — Word. N.Y., 1995. № 17/18. С. 210). По воспоминаниям Т.В. Розановой, в этот период в семье «варились пустые щи, в них была свежая капуста, немного картошки, мука, морковь и больше ничего. На второе же была каша из зерен пшеницы, без всякого масла, или пшенная; хлеба почти никакого не было; бывало, что фунт хлеба делили на пять человек, а то больше ели лепешки из дуранды, или из свеклы, очень редко из овсяной муки, это считали уже очень вкусно. Изредко доставали где-то конину и тогда варили с ней щи, но она была такая сладкая, что с трудом ели. Да через день брали три кринки хорошего густого, топленого молока» (ТР, 80). В период сергиевопосадского голода дети кормили Р. «картофелем, огурчиками, сахаринном», который он «до безумия» любил (МЛ, 529). Флоренский был убежден, что если бы Р. «приютил какой-либо монастырь, давал бы ему вволю махорки, сливок, сахара и пр., и пр., и, главное, щедро топил бы печи, то» Р. «с детской наивностью стал бы восхвалять не этот монастырь, а по свойственной ему необузданности обобщений <...> все монастыри вообще» (ПРО, 2, 317).

А.А. Медведев